

Л. В. Луховицкий

Институт славяноведения РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

АНДРОНИК КАМАТИР О СПОРЕ МАНУИЛА I КОМНИНА И ПАПСКИХ ЛЕГАТОВ: ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЧТЕНИЯ*

Аннотация: «Священное оружехранилище», написанное Андроником Каматиром по распоряжению императора Мануила I Комнина (1143–1180), открывается диалогом, который представлен как дословная запись богословской дискуссии, состоявшейся в Константинополе между Мануилом и посланцами папы Александра III (1158–1181) в рамках униатского проекта Мануила. Каматир преследовал цель не только опровергнуть учение о *Filioque* и изложить аргументы против тезиса о примате Рима, но и прославить Мануила как одаренного логика, способного выстраивать убедительную аргументацию при помощи цепочек неопровержимых силлогизмов. Велика вероятность, что этот нюанс был пожеланием заказчика, но, на наш взгляд, даже будучи стиснут узкими рамками заказа, Каматир нашел возможность проявить свою авторскую индивидуальность. Два авторских решения, которые он принял, позволяют утверждать, что «Священное оружехранилище» могло бы по праву занять место не только в истории византийского богословия, но и в истории византийской литературы. Во-первых, Каматир оттеняет автохарактеристику Мануила оценкой повествователя во вступлении. Если Каматир ставит силлогизмы Мануила выше святоотеческих писаний, то сам Мануил относится к своему природному логическому дару с пренебрежением, а к силлогистике в целом – с подозрением. Во-вторых, образы собеседников Мануила показаны в развитии. Кардиналы впервые появляются на страницах диалога как лишённые собственного голоса переговорщики от имени папы Римского. Постепенно они увлекаются спором и пытаются оппонировать императору, но понимают, что запутались, и обращаются к нему со своими недоумениями как к духовному авторитету, а покидают сцену уже его верными учениками.

Ключевые слова: Византия, Мануил I Комнин, Андроник Каматир, антилатинская полемика, император, Константинополь, Рим, силлогизмы.

Поступила в редакцию 30.09.2018.

Принята к печати 15.11.2018.

* Исследование осуществлено в 2018 г. в рамках проекта «Статус первенствующих престолов в раннехристианской и византийской традиции» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

«Священное оружехранилище» (Γερὰ ὀπλοθήκη) великого друнгария виглы Андроника Дуки Каматира (ок. 1110–1180) – ключевой источник по истории взаимоотношений Константинополя и Рима в правление императора Мануила I Комнина (1143–1180). Исследователи, обращавшиеся к истории униатского проекта Мануила, признавали значение этого памятника¹, однако вплоть до недавнего времени он был издан только фрагментарно. Несмотря на относительную простоту рукописной традиции, «Священное оружехранилище» отпугивало издателей колоссальным объемом и компилятивным характером (похожая судьба была и у двух других – по сей день критически не изданных – антиеретических компендиумов эпохи: «Догматического всеоружия» Евфимия Зигабена и «Сокровищницы православия» Никиты Хониата). В 2014 г. А. Букосси опубликовала первую (антилатинскую) часть сочинения². В ходе подготовительной работы она уточнила датировку памятника, показав, что Каматир вручил его императору в конце 1173-го или начале 1174 г.³, проследила этапы рецепции «Оружехранилища» в поздневизантийский период⁴, а также установила патристические и византийские источники антилатинского флорилегия и собрания силлогизмов, составляющих основную часть произведения⁵.

С точки зрения структуры, раздел «Оружехранилища», посвященный полемике с учением Римской церкви, распадается на две части – диалогическую, представляющую собой, по словам Каматира, «едва ли не дословную запись» (κατὰ ῥῆμα σχεδὸν ἀνάγραπτον) (SA. Prooim. I. 134–135) диспута императора с папскими кардиналами (Καθδινάλοι), и антологическую, включающую, в свою очередь, две секции: собрание святоотеческих свидетельств и коллекцию силлогистических доказательств в пользу византийского учения об исхождении Св. Духа. По уве-

¹ См.: *Darroutès J.* Les documents byzantins du XIIe siècle sur la primauté romaine // REB. 1965. Т. 23. P. 42–88, здесь p. 72–78 ; *Spiteris J.* La critica bizantina del primato romano nel secolo XII. Roma, 1979. P. 184–194. (*Orientalia christiana analecta*, vol. 208) ; *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993. P. 88; *Бармин А. В.* Полемика и схизма: История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 438–447.

² См.: *Andronici Camateri Sacrum armamentarium* / ed. A. Bucossi. Pars I. Turnhout, 2014. (*Corpus christianorum; Series graeca*, vol. 75) (далее – SA). Вторая часть произведения, посвященная полемике с представителями Армянской церкви, остается неизданной.

³ См.: *Bucossi A.* New Historical Evidence for the Dating of the «Sacred Arsenal» by Andronikos Kamateros // REB. 2009. Т. 67. P. 111–130.

⁴ См.: *Bucossi A.* The «Sacred Arsenal» by Andronikos Kamateros, a Forgotten Treasure // *Byzantine Theologians: The Systematization of their own Doctrine and their Perception of Foreign Doctrines* / ed. A. Rigo, P. Ermilov. Roma, 2009. P. 41–50. (*Quaderni di Nuova Póμη*, vol. 3).

⁵ См.: *Bucossi A.* Dialogue and Anthologies of the «Sacred Arsenal» by Andronikos Kamateros – Sources, Arrangements, Purposes // *Encyclopedic Trends in Byzantium?: Proceedings of the International Conference held in Leuven, 6–8 May 2009* / ed. P. Van Deun, C. Macé. Leuven; P.; Walpole (MA), 2011. P. 270–276. (*Orientalia Lovaniensia analecta*, vol. 212).

рениям Каматира, по византийской традиции отказывающего себе в какой-либо авторской индивидуальности, в действительности «Оружесохранище» было «собрано и составлено по завету, указанию, наставлению и приказу» (ὑποθήκη καὶ μεθόδῳ, διδασκαλία τε καὶ κελεύσει) императора (SA. Prol. l. 3–4). Истинный автор сочинения – Мануил. Именно он продумал его структуру и дал ему название, а Каматир – не более чем безвольный инструмент, который «оказался полезен» (χρησιμεύσαντος) императору для создания рамочного текста – вступления, заключения и переходов между разделами (SA. Prol. l. 31–40, 53–55)⁶.

Несомненно, больший интерес из двух частей представляет диалогическая. Именно в ней мы находим неоднократно цитированный в научной литературе пассаж о первенстве Константинопольской кафедры по сравнению с Римской, произнесенный Мануилом в ответ на утверждение кардиналов, что Римская церковь «и по сути, и по имени является матерью всех прочих церквей», поскольку первым ее пастырем был апостол Петр. По словам Мануила (SA. Dial. 7), первенство Рима никак не связано с деяниями апостола Петра, который до Рима проповедовал в Келесирии, а значит, следуя логике кардиналов, мог бы завещать церковное первенство Антиохии. В действительности, главенство Римского престола в первые века христианства объясняется «честью царства и монархии (διὰ τὴν τῆς βασιλείας καὶ τῆς μοναρχίας τιμὴν), которой Ветхий Рим был украшен и прежде апостольской проповеди и благодаря которой он обрел владычество над всей ойкуменой». Ведь «логически необходимо (ἀκόλουθον)», чтобы церковное первенство усваивалось «следуя царству (ἐπομένως τῇ βασιλείᾳ)». Однако эта же логика, по праву отдававшая первенство Риму прежде, требует, чтобы теперь первое место в иерархии престолов занял Константинополь, ведь, «как мы знаем, Константин Великий одарил этот [город] (Константинополь. – Л. Л.) большей честью, чем тот (Рим. – Л. Л.) (μείζονα προσεπιφιλοτιμηθῆναι ταύτην αὐτῆ παρὰ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου γνωρίζομεν)».

В то же время диалогическая часть как художественное целое почти не интересовала исследователей. Отдельные замечания о ее структуре и средствах создания образа Мануила и его оппонентов можно найти преимущественно в параграфах, посвященных вопросу исторической достоверности диалога. Доказывая литературный (т. е. в рамках дихотомии «исторически достоверный / выдуманный» – фиктивный) характер диалога, ученые отмечали, что его участники говорят одним языком⁷,

⁶ См.: Bucossi A. Scriptural Citation in Andronikos Kamateros // Reading in the Byzantine Empire and Beyond / ed. T. Shawcross, I. Toth. Cambridge, 2018. P. 299.

⁷ См.: Cataldi Palau A. L'Arsenale Sacro di Andronico Camatero: il proemio ed il dialogo dell'imperatore con i cardinali latini: originale, imitazioni, arrangiamenti // REB. 1993. T. 51. P. 20.

ответные реплики кардиналов, чья речь неотличима от речи византийских придворных⁸, неестественны, поскольку они с готовностью соглашаются с доводами Мануила и не стараются отстоять свою исходную точку зрения⁹. По мнению издателя текста, по жанру диалогическая часть ближе к вопросоответной литературе (ἐρωταποκρίσεις), чем к «настоящему диалогу (real dialogue)»¹⁰.

На наш взгляд, обсуждение художественной составляющей диалога не может сводиться к вопросу о его фиктивности. Эпоха Комнинов – время расцвета литературной формы диалога, которая использовалась в том числе для богословских сочинений¹¹. У исследователей нет сомнений, что некоторые из них можно изучать не только как памятники богословской мысли, но и как художественные произведения. Таков, например, платонизирующий диалог Сотириха Пантевгена, созданный в 1156 г. в рамках полемики о том, каким лицам Святой Троицы приносятся бескровная жертва¹². В других случаях возможность литературного прочтения памятника приходится доказывать. Это верно, например, для анонимного диалога о низложении патриарха Николая IV Музалона (1147–1151), который формально кажется памятником канонического права, а на самом деле скрывает искусную литературную игру с традицией сократического диалога¹³. За редкими исключениями¹⁴, рассуждать об этих сочинениях в категориях «достоверности / фиктивности» контрпродуктивно. Речь в любом случае идет о художественных произ-

⁸ См.: *Spiteris J.* La critica... P. 189–190.

⁹ См.: *Бармин А. В.* Полемика и схизма... С. 444–445.

¹⁰ *Bucossi A.* Dialogue and Anthologies... P. 276.

¹¹ См.: *Cameron A.* Arguing it Out: Discussion in Twelfth-Century Byzantium. Budapest; New York, 2016.

¹² См.: *Dräseke J.* Der Dialog des Soterichos Panteugenos // *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie.* 1886. Bd. 29. H. 2. S. 224–237 ; *Spingou F.* A Platonising Dialogue from the Twelfth Century: the «Logos» of Soterichos Panteugenos // *Dialogues and Debates from Late Antiquity to Late Byzantium* / ed. A. Cameron, N. Gaul. Abingdon; New York, 2017. P. 123–136.

¹³ См.: *Darrouzès J.* Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966. (Archives de l'Orient Chrétien, vol. 10). P. 66–68, 310–331. В настоящее время мы с В. Ю. Жаркой готовим к печати совместную работу, целиком посвященную этому памятнику. Краткие тезисы см.: *Луховицкий Л. В., Жаркая В. Ю.* «Сила» убеждения: Peithanagke в диалоге о низложении патриарха Николая IV Музалона // *Логико-философские штудии.* 2018. Т. 16. № 1–2. С. 25–26. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/550> (дата обращения: 30.09.2018).

¹⁴ К ним относится диалог между патриархом Михаилом III Анхиалом и Мануилом Комнином о церковной унии, который, если принять аргументы Ж. Даррузеса и В. Лорана, был создан в 70-е гг. XIII в. в связи с Лионской унией, т.е. представляет собой классический фальсификат: *Laurent V., Darrouzès J.* Dossier grec de l'union de Lyon. P., 1976. (Archives de l'Orient Chrétien, vol. 16). P. 45–52, 346–375; *Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995. P. 110–111.

ведениях, чьи авторы по тем или иным причинам могут приблизить или отдалить создаваемый ими художественный мир к тому миру, который они и их читатели воспринимают как реальный. Художественный выбор виден как за условными декорациями диалога Сотириха, как будто бы происходящего на улицах древних Афин, а не в Константинополе XII в., так и за бытовыми подробностями и автобиографическими деталями рассказа византийского посланца Теориана, отчитывающегося перед императором о своем диспуте с католикосом Нерсесом IV Шно-рали (1166–1173)¹⁵.

Характерно, что и сам Каматир, отказываясь нести ответственность за «Оружехранилище», все же не может не признать, что император выбрал его в соавторы, поскольку он обладал определенным литературным дарованием и опытом (ἡμῖν... τοῖς τάχα περὶ λόγους ἀσχολούμενοις) (SA. Prooim. l. 103–105). Очевидно, что решение наделить кого-то из героев диалога индивидуальным голосом или, напротив, заставить всех участников говорить одним и тем же языком принципиально не может зависеть от того, является ли диалог целиком и полностью плодом воображения автора или же вдохновляется реальными событиями. Однако подобный выбор нельзя объяснить и свободным волеизъявлением писателя, поскольку в действительности мы имеем дело со сложным наложением ожиданий заказчика и исполнителя. Если, преследуя цель «обличить ересиархов» (SA. Prol. l. 30), прославить «апостольское божественное рвение» императора «ради единомыслия и единения церквей» (SA. Prooim. l. 57–63) и создать «одушевленный памятник его пронизательности и мудрости» (SA. Prooim. l. 135–136), Каматир считал нужным подчеркнуть импровизационный характер реплик императора (ἀγράφως ἐξ αὐτομάτου – SA. Prooim. l. 133), которые не были подвергнуты какой-либо редакции, это было его сознательным художественным решением, основанным на том, как он интерпретировал ожидания императора. Нет никаких сомнений в том, что, пойми Каматир свою задачу иначе, он представил бы Мануила не блестящим импровизатором и полемистом, а вдумчивым и неторопливым книжником. Понять, что и почему хотел сказать императору о нем самом Каматир (и удалось ли ему это), можно только отказавшись от противопоставления «литературное / историчное» и изучив диалог как художественное целое.

Приступая к анализу, отметим, что в диалоге представлено три точки зрения, две из которых существуют внутри художественного мира диалога (это взгляд Мануила и кардиналов), а третий находится на бо-

¹⁵ См.: Theoriani disputationes cum Armeniorum Catholico // PG. T. 133. Col. 119–298 ; Cameron A. Arguing it Out... P. 95–99.

лее высоком повествовательном уровне. Этот третий взгляд принадлежит автору пролога и вступления, который, перед тем как устроиться и дать слово своим героям, успевает рассказать об обстоятельствах комиссии и обрисовать структуру будущего произведения. Помня, что это лицо – по определению литературная маска, которая не может быть равна автору сочинения как исторической фигуре, мы все же будем называть этого повествователя «Каматиром». Непосредственно в диспуте Каматир участия не принимает, хотя, как мы знаем из пролога, присутствует в качестве одного из слушателей (ὡς παρισταμένῳ τηνικαῦτα τοῦτω καὶ ἀκροωμένῳ τῶν διαλέξεων) (SA. Prol. I. 32–33). Как мы увидим, взгляд Мануила отличен от взгляда Каматира, несмотря на то, что по ключевым вопросам (папский примат и *Filioque*) в споре с кардиналами они, конечно же, придерживаются одних воззрений.

Главной заслугой (πρὸ πάντων καὶ ὑπὲρ πάντα) императора в глазах Каматира вполне ожидаемо оказываются труды, предпринятые, чтобы «скрепить, срастить и соединить (συναρμογῆς καὶ συμφύιας καὶ συνουλώσεως)» «издревле разъединившиеся части и члены (διαστάτων ἔκπλαλαι μερῶν καὶ μελῶν)» единого тела Христова, т. е. Константинопольскую и Римскую церкви (SA. Prooim. I. 58–62). Примечательна, однако, не цель, которую преследует Мануил, а способ ее достижения. Он лично (αὐτοπροσώπως – SA. Prol. I. 16) вступает в спор с посланцами Рима и побеждает их при помощи логики, без какой-либо подготовки порождая неопровержимые силлогизмы¹⁶. По словам Каматира, перед нами импровизации: создается ощущение легкости, произвольности, как будто бы император выстраивает аргументацию без особых усилий и не дорожит найденными доказательствами как чем-то, что можно при необходимости породить заново. Он «сплетает силлогистические доказательства в каждом диспуте (πλεκομένους ἐν ταῖς ἐκάστοτε διαλέξεσιν ἀποδεικτικούς συλλογισμούς)» (SA. Prol. I. 27–28) и «естественным образом выстраивает цепь несокрушимых аргументов (τὸν ἐξ αὐτομάτου τόκον τῶν ἀλλεπαλλήλων καὶ πυκνῶν ἐπιχειρημάτων)» (SA. Prooim. I. 51–53), которые обездвигивают его противников как «оковы (ἀλυκτοπέδαις)» (SA. Prooim. I. 93).

Примечательно, что в иерархии «элементов амуниции», собранных в «Оружехранилище», приписанные Мануилу¹⁷ силлогизмы сто-

¹⁶ О расцвете силлогистики в эпоху Комнинов см.: *Erismann C. Logic in Byzantium // The Cambridge Intellectual History of Byzantium / ed. A. Kaldellis, N. Sinioglou. Cambridge, 2017. P. 373–377.*

¹⁷ В действительности, собранные во 2-й части трактата силлогизмы принадлежат нескольким византийским авторам IX–XII вв. (от патриарха Фотия до Николая Мефонского), а Каматир, непосредственно предваряя эту коллекцию, уже не говорит о том, что они изобретены Мануилом, а выбирает более осторожные выражения:

яты выше святоотеческих свидетельств. Описывая двухчастную структуру основного раздела своего труда, Каматир говорит о флорилегии как о чем-то дополнительном, побочном. По сути, чтобы вернуть оппонентов в лоно православия, силлогизмов Мануила было вполне достаточно, и «каждый из них (противников императора. – Л. Л.) почти что признал поражение (τὴν ἥτταν μικροῦ δεῖν ἕκαστον τούτων ὁμολογεῖν)» (SA. Prooim. l. 93–94). Только гордость и закоснелость не позволили им сразу же отказаться от своих убеждений. Именно поэтому и потребовалось еще одно средство – флорилегий (καὶ τὴν ἀπὸ τῶν γραφῶν μαρτυρίαν) (SA. Prooim. l. 96–102). Но император уже не мог себе позволить работу над ним: «Но ему помешали исполнить столь трудоемкое дело самому (δι' ἑαυτοῦ) многочисленные заботы и труды (πολύφρον τι καὶ πολύμοχθον), связанные с вверенным ему по справедливости Богом мирским управлением» (SA. Prooim. l. 103–106). Отметим, что, поручив непосредственное составление флорилегия Каматиру, император лично указал, откуда и как нужно эксцерпировать цитаты (SA. Prooim. l. 107–111). Оказывается, что тратить силы на составление флорилегия (при этом уже зная, откуда и как заимствовать фрагменты) для Мануила непозволительная роскошь. Значит, порождение силлогизмов, напротив, не требует от него полного погружения; он занимается этим мимоходом, отдыхая от по-настоящему тяжелых трудов государственного управления и не расходуя драгоценные силы и время.

Итак, в изображении Каматира, Мануил – отягощенный заботами государственный деятель, который строит несокрушимые цепочки доказательств с изяществом и легкостью, недоступными профессиональным философам и ораторам, но не может позволить себе отдалиться философствованию целиком.

Автохарактеристика Мануила еще показательнее. На первый взгляд, он просто повторяет слова Каматира, сетуя, что «тяжелейший груз столь многочисленных и разнообразных мирских треволнений (τὸ βαρύτερον τῶν τόσων κοσμικῶν ποικίλων περισπασμῶν φορτίον)» (SA. Dial. 75.7–8) не позволяет ему посвятить себя полемике целиком. Однако в действительности краски ступают. Мануил признает, что ему недостает диалектической выучки, но эти слова звучат едва ли не как угроза: «...И это при том, что [вы обращаетесь] к воину, который каждый день несет тяготы войны и на севере, и на юге, и на море (их последствия не могли укрыться и от вашего внимания) и дни и ночи напролет погружен в иные разнообразные заботы столь великого царства, так что по необходимости оказывается лишен досуга для словесных распрей, а значит

Мануил «не то чтобы нуждался в них», но они могут быть полезны для «напоминания» (Bucossi A. Dialogue and Anthologies... P. 273–275).

и опытности в подобных делах»¹⁸. Если для Каматира Мануил – философ на троне, то сам Мануил видит в себе воина.

Парадоксальным образом в словах императора слышится едва ли не презрение к выбранному им самим методу ведения полемики. Если в рамочном тексте, лексемы συλλογισμός / συλλογίζομαι / συλλογιστικός, как мы видели, несут однозначно положительные коннотации, то сам Мануил никогда не относит их к себе, а употребляет только применительно к своим оппонентам, причем нередко в ироническом ключе. Так, Мануил доводит до абсурда тезис кардиналов об апостольском происхождении Римской кафедры (если следовать их логике, окажется, что проповедь апостола Петра не имела никакого влияния за пределами Рима и слова Спасителя о том, что Его церковь будет основана «на сем камне» (Мф 16:18) – ложны) и заключает: «Я позволю вашей мудрости и разумению логически вывести (τὴν ὑμετέραν ἐὼ συλλογίζεσθαι σοφίαν καὶ σύνεσιν), какую честь воздают первоверховному апостолу те, кто так думают и говорят» (SA. Dial. 7.17–19)¹⁹.

Предупреждая, что в споре с ним будут бесполезны софистические хитрости, Мануил перечисляет через запятую, казалось бы, противоположные приемы: «Вы полагаетесь на убедительность софистических паралогизмов и силлогизмов... (Τῆ τῶν σοφιστικῶν παραλογισμῶν καὶ συλλογισμῶν πειθανάγκη θαρροῦντες...)» (SA. Dial. 3.1–2). Складывается впечатление, что герой диалога (Мануил) использует как синонимы слова, которые его автор (Каматир) счел бы антонимами. В дальнейшем Мануил постоянно обвиняет своих оппонентов в умышленно ложных умозаклучениях (софизмах) и указывает на их непреднамеренные ошибки (паралогизмы): «Вы с самого начала решили опираться на софизмы и паралогизмы (σοφίζεσθαι...καὶ παραλογίζεσθαι) и, похоже, никак не можете отступить от этого решения» (SA. Dial. 43.1–3)²⁰.

Нельзя избавиться от ощущения, что искушенный логик Мануил не считает актуальным противопоставление «верное умозаклучение (силлогизм) / ложное умозаклучение (паралогизм или софизм)», в котором к первому нужно было бы стремиться, а второго – избегать. Напротив, в речи Мануила противопоставлены нерасчленимый массив логических аргументов (как ложных, так и верных) и не требующая доказательств

¹⁸ SA. Dial. 3.9–16:...καὶ ταῦτα πρὸς στρατιώτην ταῖς ὁσημέραι κατὰ τε βορρᾶν καὶ νότον καὶ θάλασσαν πολεμικαῖς μερίμναις, ὧν οὐδὲ τὴν ὑμετέραν σύνεσιν ἔλαθον ἂν τὰ ἀποτελέσματα, καὶ ταῖς ἄλλαις ποικίλαις τῆς τόσης βασιλείας πανημερίοις καὶ παννύχοις φροντίσι, τῆς καὶ περὶ λογικὰς ἀμίλλας διηνεκοῦς ἀσχολίας καὶ τῆς ἐντεῦθεν περὶ ταῦτα τριβῆς ἀναγκαίως ἀνακοπτόμενον.

¹⁹ Сходный прием см.: SA. Dial. 35.15.

²⁰ Ср.: SA. Dial. 25.2–6; 35.1–4; 39.4–6; 43.1–3; 67.1–4

и говорящая сама за себя истина. В логических построениях нет нужды, поскольку «...неправда обманет сама себя, а истина будет звучать свободно (ψεύσασθαι μὲν τὴν ἀδικίαν ἑαυτῇ, παρρησιασθῆναι δὲ τὴν ἀλήθειαν)» (SA. Dial. 3.5–6), а противники истины «путаются в своих собственных крыльях (τοῖς οἰκείοις... ἀλισκομένοις πτεροῖς)» (SA. Dial. 69.2). Эффект усиливается благодаря ироничному обращению к оппонентам – «мудрецы и ученые» (SA. Dial. 3.3; 43.3–5).

Подобное антиинтеллектуалистское противопоставление кажется для византийской словесности тривиальным и не заслуживало бы нашего внимания, имей мы дело с рядовым памятником богословско-полемической или агиографической литературы²¹. Но в устах героя, который был представлен читателю как философ (и более того – именно логик), это звучит по меньшей мере странно.

Обратимся к образу кардиналов. Они не названы по именам и говорят в унисон, поэтому их можно считать одним коллективным участником диспута. На наш взгляд, как в саморепрезентации кардиналов, так и в организации диалога можно проследить определенную динамику. Если в начале беседы кардиналы говорят скорее от имени посланного их папы римского Александра III (1159–1181), то ближе к концу – как будто бы забывают о своей миссии и выступают уже от своего имени. Одновременно с этим развивавшийся до определенного момента последовательно спор становится все более дробным и бессистемным.

Беседа начинается со слов Мануила, который сам описывает политические задачи посольства (добиться от Константинополя поддержки Рима в борьбе с Фридрихом Барбароссой²²) и перечисляет всех тех, кого представляют на переговорах «почтеннейшие и мудрейшие кардиналы», а именно папу римского, знать и народ Рима (SA. Dial. 1.1–21). В ответной реплике кардиналы полностью самоустраняются как субъекты переговоров: они выступают от имени тех, «кем отправлены в настоящее посольство (παρ' ὧν πρὸς τὴν προκειμένην πρεσβείαν ἡμεῖς ἀπεστάλμεθα)», и подчеркнуто используют глаголы в 3-м лице. Инициатива (διενοήθησαν) начать переговоры со всей очевидностью принадлежит не легатам, а папе (SA. Dial. 2.1–13).

²¹ Впрочем, превратить «силлогизм» и «паралогизм» в синонимы и среди церковных авторов решались немногие. Одним из них стал антипаламит XIV в. Филофей Коккин: «Что нам проку, философ (речь идет о Никифоре Григоре. – Л. Л.), в этих силлогизмах и паралогизмах (τῶν συλλογισμῶν τε καὶ παραλογισμῶν), если можно принять слова веры сами по себе (αὐτόθεν), ведь они изложены по-евангельски просто (εὐαγγελικῶς τε καὶ ἀπλῶς), а не по-аристотелевски софистично (Ἀριστοτελικῶς τε καὶ σοφιστικῶς), а лучше даже сказать, без мудрствования (ἀσφῶς)» (Φιλοθέου Κοκκίνου Δογματικὰ ἔργα 8.723–726 / ἐκδ. Δ. Β. Καϊμάκη. Θεσσαλονίκη, 1983. Т. 1. Σ. 281).

²² См.: Bucossi A. New Historical Evidence... P. 118–119.

Однако Мануил требует, чтобы его собеседники высказались и от своего имени, настаивая на том, что разговору о политическом союзе должно предшествовать разрешение догматических противоречий (SA. Dial. 1.21–30). Если высказывать свое мнение о политическом союзе легаты не уполномочены, то изложить (и защитить) свои собственные убеждения обязаны. Это значит, что кардиналы вынуждены вступить в диспут как его полноценные участники: «...Повинуясь твоему поведению, мы сами (αὐτοί) скажем, что...» (SA. Dial. 2.13–19). Обретение субъектности завершается в четвертом параграфе. В ответ на возмущенный окрик Мануила (оставьте ваши софизмы, ведь вы говорите с великим воином!), кардиналы четко противопоставляют себя папе: «все те, кто отправили нас в это посольство», каждый день становятся свидетелями все новых свершений Мануила и поэтому приносят ему как дар «всех себя и свои земли (ἐαυτοὺς ὅλους καὶ τὰς οἰκείας χώρας)». Однако кардиналы, как будто бы оскорбленные подозрениями Мануила, на этом не останавливаются, а говорят от своего имени: «А мы (Ἡμεῖς δέ), божественнейший царь, если бы вздумали устраивать диалектическое прение с кем-то из разумнейших и мудрейших вельмож твоего высочайшего императорского двора, возможно, дерзнули бы говорить напоказ (ἐθαρορήσαμεν ἂν ἰσως καὶ τὴν ἐπίδειξιν), но, намереваясь состязаться с возвышенным, богонаученным и богомудрым умом твоей царственности, полагаемся лишь на силу истины» (SA. Dial. 4.10–22). После этого папа римский как субъект спора навсегда пропадает со страниц диалога.

Кардиналы вступают в дискуссию, но им недолго удается сохранить за собой инициативу. В первых параграфах, посвященных примату Римского престола, они еще способны на жесткие высказывания: по их словам, младшая Константинопольская церковь «самовольно» (αὐθαγῆτως) отделилась от старшей Римской (SA. Dial. 6.5–8) и «без всякой причины оторвала себя от своей собственной главы (τῆς οἰκείας κεφαλῆς ἐαυτὴν ἀναίτιως ἀπορρηξάσῃ)», да еще и пытается «приписать причину раздоров (τὴν αἰτίαν τῶν σκανδάλων ἐπιγράφειν)» Риму (SA. Dial. 5.5–10). Важно, что на этом этапе кардиналы вполне способны следить за общей логикой спора и выбирают в пространных репликах Мануила то, что им выгодно, не позволяя увести себя в сторону. Так, из рассуждений Мануила о том, что преждее первенство Рима объясняется вовсе не наследием апостола Петра, а столичным статусом города, кардиналы выхватывают только признание первенства, как будто бы не расслышав, что речь идет не о современном положении вещей, а о далеком прошлом: «Раз уж, мудрейший царь, и твоя боговенчанная держава разумно и без сомнений (οὐκ ἐνεδόισε) признала, что святая церковь Ветхого Рима по какой

бы то ни было причине (об этом мы спорить не будем) первенствует среди всех церквей, то...» (SA. Dial. 8.1–5).

В первых параграфах, посвященных противоречиям в учении об исхождении Св. Духа (SA. Dial. 10–26), кардиналы ведут себя почтительно, но настойчиво. Они задают вопросы и внимательно слушают ответы Мануила, при необходимости повторяя вопрос дважды. Так, спросив, какое богохульство влечет за собой, по мнению Мануила, прибавление «через Него»²³, и услышав в ответ лишь упреки в притворстве²⁴, они не смущаются, а повторяют вопрос²⁵. На краткий миг (SA. Dial. 22–24) возникает ощущение, что кардиналы оказываются в споре ведущими, а Мануил – ведомым. Манера, в которой они задают вопросы, а Мануил отвечает (К.: Ἄρ' οὐ δοκεῖ...; В.: Καὶ μάλα... К.: Ἄρ' οὐν... οὐ δοκεῖ σοι...), напоминает сократический эленхос, при котором собеседник вынужден принимать каждую новую посылку Сократа утвердительно, незаметно для себя шаг за шагом удаляясь от своей первоначальной позиции²⁶.

Но это ощущение обманчиво. В параграфах 26–63 диалог приобретает отчетливую вопросоответную форму: кардиналы задают краткий вопрос, получают на него пространный ответ, благодарят за объяснение (чаще всего с использованием цитаты из Священного Писания) и, полностью удовлетворенные, переходят к новому вопросу, никак не связанному с предыдущим. Посмотрим, как оформлены эти реплики лексически:

«Начало словес твоих истина (Пс 118:160), говорит Давид. Если бы не был с тобой Бог, то ты не говорил бы так в Духе о Духе. Но послушай и следующее (Ἄκουε δὲ καὶ τοῦτου), державнейший царь...» (SA. Dial. 26.1–3).

«Истинно, царь, ты уподобился мужу благоразумному, который построил дом свой на камне и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и ринулись на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне (Мф 7:24–25), который есть Христос. Но будет правильно посмотреть и на следующее (Σκοπήτεον δὲ καὶ τοῦτο καλῶς)...» (SA. Dial. 32.1–6)²⁷.

Показательно, что сами кардиналы называют свои вопросы не аргументами (ἐπιχειρήματα), которые можно принять или опровергнуть, а «недоумениями», которые император может «разрешить»

²³ Καὶ ποῖον τὸ ἐντεῦθεν ἀνακύπτον τε καὶ ἀναφαινόμενον βλάσφημον...; (SA. Dial. 12.1–2).

²⁴ ...ἐκόντες, περιγενομένως τὸν ἀγνοοῦντα πλαττόμενοι... (SA. Dial. 13.2–3).

²⁵ ...μὴ ἀναβάλλου διασαφῆσαι ποῖον τὸ ἐκ τῆς τοιαύτης προσθήκης ἀνακύπτει ὑμῖν δοκοῦν βλάσφημον (SA. Dial. 14.2–4).

²⁶ См.: Vlastos G. Socratic Studies. Cambridge, 1994. P. 1–37.

²⁷ Ср.: SA. Dial. 48.1–4; 50.1–5; 56.1–6.

или «растолковать»: «...Мы молим: разъясни нам и такую загадку (ἀντιβολοῦμεν καὶ τοῦτο τὸ ἄπορον ἡμῖν διασάφησον)» (SA. Dial. 28.3), «...ты ясно разрешишь для нас и такое недоумение (καὶ τοῦτο δὲ τὸ ἄπορον ἡμῖν σαφῶς λυθήσεται παρὰ σοῦ)» (SA. Dial. 38.3), «... послушай также и следующее, и разъясни как и прежнее (ἐνωτίζου καὶ τόδε, καὶ διευκρίνει τοῦτο κατὰ τὰ πρότερα)» (SA. Dial. 40.3–4). Участники спора как будто бы дистанцируются от своих собственных взглядов. На наших глазах происходит превращение папских легатов, прибывших с конкретной политической миссией в Константинополь и готовых вежливо и вместе с тем твердо отстаивать позиции Римской церкви, в потерявшихся в дебрях богословских построений просителей, восхищенных встречей с духовным авторитетом и не желающих его отпускать, пока он не разрешит им все их недоумения.

Это впечатление усиливает манера Мануила. Он иронизирует над глубиной познаний кардиналов в Священном Писании (SA. Dial. 27.1–3), сомневается в их учености (SA. Dial. 55.1–4) и смеется над тем, что они «не ведают того, чему наверняка обучены даже дети, только что пошедшие в школу» (SA. Dial. 29.5–6). Более того, нередко тон Мануила становится угрожающим: он обвиняет своих собеседников в том, что те «играют с тем, с чем играть нельзя», противопоставляя слова апостола Павла словам самого Спасителя (SA. Dial. 31.1–5); предполагает, что те задают свои вопросы не «ради истины и избавления от всякого соблазна», а «ради раздора (πρὸς ἕρην)» (SA. Dial. 35.1–4); подозревает их в притворстве (SA. Dial. 53.1–3) и искажении писаний отцов Церкви (SA. Dial. 67.4–6).

Манера речи кардиналов-просителей, с благодарностью принимающих любые упреки, резко контрастирует с тоном императора, разоблачающего их коварство. В ответ на восхваления («По изречению Соломона, ты познал *мудрость и наставление и изречения разума* (Притч 1:2)...») и смиренную просьбу «разрешить недоумение» (SA. Dial. 38.1–4) император обрушивает на кардиналов шквал обвинений: «Ваши аргументы двусмысленны (διπλῆς μεστῶν τοιοῦτων ἐπιχειρημάτων) и заставляют меня подозревать (ὑποπτεῦειν) одно из двух. Со всей необходимостью или вы все еще не оставили попыток испытать нас (ἀπόπειραν εἰσέτι ποιοῦμενοι), выдвигая не истинные, а софистические и полные паралогизмов посылки (σοφιστικὰς καὶ πλήρεις παραλογισμῶν προτάσεις) и делая из них необоснованные и ложные выводы (ἀνυπόστατα καὶ σαθρὰ συνάγετε συμπεράσματα). Или же посредством таких аргументов вы решили вынести на всеобщее обозрение тайные замыслы своих сердец...» (SA. Dial. 39.1–9). В ответ Мануил встречает не возмущение или хотя бы попытку оправдаться, а новые восхваления: «*Господь дает тебе язык научения, еже разумети, егда*

подобает речи (Ис 50:4) мудрые слова» (SA. Dial. 40.1–2). Примечательно, что в то время как кардиналы уже превратились из спорщиков в просителей, а их ἐπιχειρήματα – в ἄπορα, Мануил продолжает использовать технические термины логики (ἐπιχειρήματα, προτάσεις, συνάγω, συμπεράσματα), как будто бы усматривая скрытую полемику за униженными просьбами разъяснить недоумение.

В параграфе 64 кардиналы признают поражение в диалектическом диспуте («...мы отступаем от словесного прения и спора, будучи не в силах состязаться со столь пламенным умом и языком») и прибегают к помощи святоотеческих свидетельств. На краткий миг кардиналы вспоминают, что перед ними не учитель, а оппонент, и их дело – переубеждать, а не спрашивать: «...мы спешим к мнениям отцов как к некоей надежной крепости и надеемся при помощи них утвердить разумность нашего учения (τὸ τοῦ ἡμετέρου δόγματος εὐλόγον)» (SA. Dial. 64.1–9). Однако это впечатление обманчиво. Кардиналы последовательно предлагают Мануилу рассмотреть три свидетельства в пользу *Filioque* (слова свт. Григория Нисского, свт. Кирилла Александрийского, свт. Афанасия Александрийского²⁸), но каждый раз вполне удовлетворяются ответом императора и не развивают аргументацию дальше.

Последняя реплика кардиналов показывает, что они были полностью переубеждены. Они «упрашивают (ἀντιβολοῦμεν)» императора, «если только они не покажутся назойливыми (φορτικοί)», «направить (ὀδηγήθῆναι)» их при помощи святоотеческих свидетельств «к еще большему принятию вашего столь искусно изложенного и проясненного богомудрым царством правильного учения (ὕγιους ὑμῶν δόξης)» (SA. Dial. 74.17–22). Кардиналы, конечно, не называют учение об исхождении Св. Духа только от Отца «своим» (для них оно пока еще чужое, но уже верное). Но нельзя избавиться от ощущения, что все дальнейшее (а это, как мы помним, бóльшая часть произведения) – разговор не с оппонентом, а с единомышленником.

Финальное славословие императору также вложено в уста кардиналов. В нем они как будто бы пытаются найти баланс между трудно совместимыми чертами Мануила. Их прежний оппонент (а отныне учитель) – непобедимый спорщик, но искусность не исключает естественности, а дополняет нее: Мануил превзошел ораторов древности «...благодаря не только не нуждающимся в оттачивании врожденным способностям (ἀτεχνάστοις... καὶ φυσικαῖς ἐπιτηδειότησιν), но и искусным философским приемам (ἐντέχνους καὶ φιλοσόφους μεθόδοις) и тому, как и то, и другое (ἐξ ἐκατέρων τούτων) [помогает породить] неопровержимые аргументы и вопросы» (SA. Dial. 74.1–7).

²⁸ См.: Bucossi A. Dialogue and Anthologies... P. 277.

Вместе с тем этот философ – грозная фигура вселенского масштаба, правитель ойкумены, к которому можно отнести сказанное о Боге, незаметно подменив в попури из пророков личные местоимения: «Увидят это, словами пророка, народы и устыдятся при всем могуществе своем и положат руку на уста (Мих 7:16), ибо от востока солнца до запада велико будет имя (Мал 1:11) твое²⁹ и многие народы лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих (Ис 49:23)» (SA. Dial. 74.11–17).

Диалог Каматира – образчик придворной панегирической богословско-полемиической словесности. Он написан в краткие сроки с утилитарной целью, его содержание так или иначе заранее известно, малый объем исключает детальную прорисовку характеров, а возможности стилистической игры ограничены необходимостью использовать техническую богословскую терминологию. Детали комиссии неизвестны, но мы можем предположить самый неблагоприятный для Каматира как автора сценарий: Каматиру было заранее указано, как (диалог, а не пересказ) и что (силлогистические способности Мануила) он должен прославить³⁰.

Но, как мы видим, даже в этих узких рамках у Каматира остается пространство для маневра. Первое авторское решение, которое он принимает, – оттенить автохарактеристику Мануила оценкой повествователя в рамочном тексте. Если Каматир ставит силлогизмы Мануила выше святоотеческих писаний, то сам Мануил относится к своему природному логическому дару с пренебрежением, а к силлогистике в целом – с подозрением. Второе авторское решение – показать образы собеседников Мануила в динамике. Кардиналы впервые появляются на страницах диалога как переговорщики от имени папы римского, постепенно увлекаются спором и пытаются оппонировать императору, но понимают, что запутались, и обращаются к нему со своими недоумениями как к духовному авторитету, а покидают сцену уже его верными учениками. Предположение, что оба этих приема были заранее «прописаны» в задании, которое получил Каматир, было бы фантастично.

Произведение Каматира – не только не художественная литература в современном понимании, но даже и не высокая византийская проза, которую – как уже, кажется, никто не сомневается – можно успешно

²⁹ В Септуагинте – «Мое» (Μου), т. е. Господа. О библейском тексте как «коде» в сочинении Каматира см.: *Bucossi A. Scriptural Citation...*

³⁰ Уже упоминавшийся диалог о низложении Николая IV Музалона в чем-то близок диалогу Каматира (прямая импровизированная речь императора, похвала его силлогистическому дарованию), а в чем-то полностью противоположен (отсутствует рамочный текст и соответственно голос повествователя). Мануилу, очевидно, льстил такой образ, но мы не знаем, был ли заказ сформулирован *expressis verbis* или панегиристы угадывали его настроение на свой страх и риск.

О споре Мануила I Комнина и папских легатов

анализировать с использованием арсенала средств современного литературоведения. Тем не менее у Каматира явно есть своя «авторская «манера поведения»», переводящая, в видении А. П. Каждана, текст из области письменности-нелитературы в область словесности-литературы³¹. Отмеченные нами авторские решения Каматира в чем-то близки «внутренним рабочим принципам (internal operative principles)», которые станут ключевым понятием в новой «Истории византийской литературы»³². Если в нее войдет – прежде немислимая для книги по истории литературы – схедеография³³, то сочинение Каматира тем более по праву могло бы претендовать там на свое особое место.

Луховицкий Лев Всеволодович

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский проспект,
32 а;
Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет (ПСТГУ)
127051, Москва, Лихов переулок, 6,
стр. 1
E-mail: lukhovitskiy@gmail.com

Lukhovitskiy, Lev Vsevolodovich

PhD (Philology), research fellow
Institute of Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences
32-A, Leninskiy Ave., 119334 Moscow,
Russia; St. Tikhon's Orthodox University
(PSTGU)
6, Likhov pereulok, build. 1, 127051
Moscow, Russia
E-mail: lukhovitskiy@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9681-2350
Researcher ID: G-8321-2015
Scopus ID: 56780482700

³¹ См.: Каждан А. П. (в сотрудничестве с Ли.Ф. Шерри, Х. Ангелиди). История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 19–20.

³² *Agapitos P.* Contesting Conceptual Boundaries: Byzantine Literature and its History // *Interfaces: A journal of Medieval European literatures*. 2015. Vol. 1. P. 62–91.

³³ См.: *Agapitos P.* Grammar, Genre and Patronage in the Twelfth Century: Redefining a Scientific Paradigm in the History of Byzantine Literature // *JÖB*. 2014. Bd. 64. S. 1–22.

Л. В. Луховицкий

Lev V. Lukhovitskiy

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
St. Tikhon's Orthodox University (PSTGU), Moscow, Russian Federation

ANDRONIKOS KAMATEROS ON THE DISPUTE BETWEEN MANUEL I KOMNENOS AND PAPAL LEGATES: AN ESSAY ON THE LITERARY READING

Abstract: The “Sacred Arsenal” composed by Andronikos Kamateros on the request of the emperor Manuel I Komnenos (1143–1180) opens with a dialogue, which claims to be an exact record of a theological dispute organized in Constantinople between Manuel and the envoys of the Pope Alexander III (1158–1181) within the framework of Manuel’s unionist projects. Kamateros set a goal not only to refute the *Filioque* doctrine and put forward arguments against the primacy of Rome, but also to eulogize Manuel as a gifted logician able to develop solid argumentation based on sets of irrefutable syllogisms. Most assuredly, this peculiar focus could have been suggested by the commissioner, but, in my view, Kamateros did find a way to express his authorial self even within the strict limitations imposed by the commission. This resulted in two authorial choices, which allow the “Sacred Arsenal” to claim a place not only in the history of Byzantine theological thought, but in the history of Byzantine literature as well. Firstly, Kamateros contrasted Manuel’s self-characterization with the narrator’s view in the introductory section. If Kamateros holds Manuel’s syllogisms in greater esteem than patristic quotations, Manuel himself disregards his natural gift of a logician and distrusts syllogistic method in general. Secondly, Manuel’s interlocutors are shown in development. The cardinals enter the dialogue as Papal envoys without their own voice; then they get involved into the dispute and try to overpower Manuel in theoretical discussion. Soon enough, they realize that they are confused and ask Manuel for help in solving their perplexities thus making their way from staunch opponents to confused suppliants and disciples.

Keywords: Byzantium, Manuel I Komnenos, Andronikos Kamateros, anti-Latin polemics, emperor, Constantinople, Rome, syllogisms.

Submitted: 30.09.2018.

Accepted: 15.11.2018.

Literature cited

Agapitos, P. “Contesting Conceptual Boundaries: Byzantine Literature and its History”. In *Interfaces: A journal of Medieval European literatures* 1 (2015). P. 62–91.

Agapitos, P. “Grammar, Genre and Patronage in the Twelfth Century: Redefining a Scientific Paradigm in the History of Byzantine Literature”. In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 64 (2014). S. 1–22.

Angold, M. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge, 1995.

Barmin, A. V. *Polemika i skhizma: Istorii greko-latinskikh sporov IX–XII vv.* Moscow, 2006.

Bucossi, A. (ed.). *Andronici Camateri Sacrum armamentarium*. Turnhout, 2014. I. (Corpus christianorum; Series graeca, vol. 75).

Bucossi, A. “Dialogue and Anthologies of the *Sacred Arsenal* by Andronikos Kamateros – Sources, Arrangements, Purposes”. In Van Deun, P., Macé, C. (eds.). *Encyclopedic Trends in Byzantium? Proceedings of the international conference held in Leuven, 6–8 May 2009*. Leuven; Paris; Walpole (MA), 2011. P. 269–284. (Orientalia Lovaniensia analecta, vol. 212).

Bucossi, A. “New Historical Evidence for the Dating of the *Sacred Arsenal* by Andronikos Kamateros”. In *Revue des études byzantines* 67 (2009). P. 111–130.

Bucossi, A. “Scriptural Citation in Andronikos Kamateros”. In Shawcross, T., Toth, I. (eds.). *Reading in the Byzantine Empire and Beyond*. Cambridge, 2018. P. 296–314.

Bucossi, A. “The *Sacred Arsenal* by Andronikos Kamateros, a Forgotten Treasure”. In Rigo, A., Ermilov, P. (eds.). *Byzantine Theologians: The Systematization of their own Doctrine and their Perception of Foreign Doctrines*. Roma, 2009. P. 33–50. (Quaderni di Νέα Ῥώμη, vol. 3).

Cameron, A. *Arguing it Out: Discussion in Twelfth-Century Byzantium*. Budapest; New York, 2016.

Cataldi Palau, A. “L’Arsenale Sacro di Andronico Camatero: il proemio ed il dialogo dell’imperatore con i cardinali latini: originale, imitazioni, arrangiamenti”. In *Revue des études byzantines* 51 (1993). P. 5–62.

Darrouzès, J. *Documents inédits d’ecclésiologie byzantine*. Paris, 1966. (Archives de l’Orient Chrétien, vol. 10).

Darrouzès, J. “Les documents byzantins du XIIe siècle sur la primauté romaine”. In *Revue des études byzantines* 23 (1965). P. 42–88.

Dräseke, J. “Der Dialog des Soterichos Panteugenos”. In *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie* 29. 2 (1886). S. 224–237.

Erisman, C. “Logic in Byzantium”. In Kaldellis, A., Siniosoglou, N. (eds.). *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*. Cambridge, 2017. P. 362–380.

Kaimakis, D. V. (ed.). *Philotheou Kokkinou Dogmatika erga*. T. 1. Thessaloniki 1983.

Kazhdan, A. P. (in collaboration with Sherry, L. F., Angeligi, Ch.). *Istoriiia vizijskoi literatury (650–850 gg.)*. Sankt-Peterburg, 2002.

Laurent, V., Darrouzès, J. *Dossier grec de l’union de Lyon*. Paris, 1976. (Archives de l’Orient Chrétien, vol. 16).

Lukhovitskiy, L., Zharkaya, V. “«Sila» ubezhdeniia: Peithanagke v dialoge o nizlozhenii patriarkha Nikolaia IV Muzalona”. In *Logiko-filosofskie shtudii* 16/1–2 (2018). P. 25–26. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/550> (accessed: 30.09.2018).

Л. В. Луховицкий

Magdalino, P. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 1993.

Migne, J.-P. (ed.). *Theoriani disputationes cum Armeniorum Catholico*. In *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. T. 133. Paris, 1864. Col. 119–298.

Spingou, F. “A Platonising Dialogue From the Twelfth Century: the *Logos* of Soterichos Panteugenos”. In Cameron, A., Gaul, N. (eds), *Dialogues and Debates from Late Antiquity to Late Byzantium*. Abingdon; New York, 2017. P. 123–136.

Spiteris, J. *La critica bizantina del primato romano nel secolo XII*. Roma, 1979. (Orientalia christiana analecta, vol. 208).

Vlastos, G. *Socratic Studies*. Cambridge, 1994.